

ствии с видом и объемом выполненной ими работы на храм. За выполнение определенных обязанностей владельцы *isqu* получали право пользования храмовым имуществом (например, земель) или им выдавали доходы натурой (зерном, финниками и т. д.). Например, на условиях получения доли из храмовых доходов работала часть пастухов и рыболовов. Право на *isqu* можно было продавать, передавать по наследству и сдавать в аренду другим гражданам с условием, что новый владелец или арендатор будет выполнять своевременно и добросовестно храмовую работу.

В текстах, изданных в рецензируемой книге, речь идет о работе пекарей и пивоваров по определенным дням и часам в святилище Эанна. Эти люди были ответственны за выпечку хлеба и приготовление пива для жертвоприношений богам и, по-видимому, для жертвенных обедов граждан храмовой округи. Тексты фиксируют выдачу пекарям и пивоварам ячменя, эммера и фиников для приготовления различных жертв (*sattukku*, *ginū*, *guru* и т. д.). Эти жертвы были предназначены попеременно для богинь Белит Урукской, Нана и других в течение трех месяцев в году. В общем итоге на жертвы ежемесячно расходовалось несколько тысяч литров зерна, фиников и пива.

Изданные Х. Фрейданком документы представляют большой интерес, и исследование их вместе с ранее известными текстами даст возможность понять структуру храмовой собственности как коллективной собственности граждан вавилонских городских общин. Ассириологи, несомненно, будут признательны Фрейданку и за обстоятельное рассмотрение филологических и юридических проблем, связанных с этими текстами, которое дано в рецензируемом труде.

М. А. Дандамаев

KORNÉL BAKAY, Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections, Académia Kiado, Budapest, 1971

Книга К. Бакай посвящена изучению специфических для скифской культуры предметов, распространенных не только на юге нашей страны, но и в Карпатском районе. В русской дореволюционной и советской литературе эти предметы обычно называются наверхшиями. Они бывают бронзовыми литыми или железными коваными. Многие из них и прежде всего те, которые относятся к VI—V вв. до н.э., имеют полый бубенец, грушевидной, овальной и конической формы, с металлическим шариком внутри и втулку или железный стержень для пасада на древко. Часто бубенец украшался изображением в зверином стиле. Эти предметы неоднократно привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей¹. Однако до сих пор не решен вопрос о назначении наверхший, их происхождении и центрах производства. К. Бакай во всех деталях изучил предметы такого рода, найденные в Карпатском районе и хранящиеся в венгерских музеях, а также показал сходство и различие между ними и находками из Северного Причерноморья и Прикубанья, с которыми автор знаком преимущественно по публикациям.

Книга состоит из краткого вступления, где определяются задачи исследования, и трех глав. К тексту приложена обширная библиография, прекрасно выполненные фотографии наверхший. Кроме того, книга снабжена рисунками зооморфных изображений на наверхших, картой Карпатского района с обозначением мест находок, графическими таблицами, иллюстрирующими и подтверждающими положения автора.

В первой главе содержатся подробные описания наверхший и изложение существ-

¹ См., например, В. В. Ш л е е в, К вопросу о скифских наверхших, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 53—61; В. А. Г л л и н с ь к а, Про скифські наверхшики, «Археологія», т. XV, Київ, 1963, стр. 33—60. Обе работы снабжены полной библиографией.

вующих в литературе точек зрения об их назначении и происхождении. Вторая глава посвящена сравнительной характеристике предметов. Автор обращает внимание на то, что даже внешне одинаковые по форме напершки отличаются особенностями орнаментации и весом. Ритмическим движением руки с напершом, укрепленным на деревянной палке, можно вызвать мелодичные звуки и это привело исследователя к выводу о том, что скифы, употребляя напершки как погремушки, очевидно, рассчитывали на определенный музыкальный эффект. Основываясь на своих наблюдениях, К. Бакап подвергает критике существующие точки зрения о назначении напершій. Он категорически отвергает предположение об использовании напершій в качестве наконечников начальнических жезлов — знаков власти, а также о том, что они могли служить наконечниками дышла колесниц и распределителями поводьев. Неоснованной автор считает и гипотезу об употреблении напершій в качестве украшений погребального катаfalка, укрепляемых на кузове. В этой же главе рассматриваются хронология, зооморфные украшения, а также данные спектрального анализа бронз, из которых отличны напершки.

Третья глава открывается разделом, посвященным происхождению напершій скифской эпохи. Вывод автора близок к заключению, высказанному в свое время М. И. Ростовцевым, о генетических связях скифских напершій с древневосточными и большой роли Кавказа в процессе их формирования. Непосредственными предшественниками скифских напершій К. Бакап считает напершки кобанской культуры. Во втором разделе главы подводится итог исследованию, где автор пытается решить основную задачу своего труда — вопрос о назначении напершій. Сопоставляя все данные, он приходит к заключению о культовом характере предметов. Поскольку, по мнению исследователя, с помощью напершій можно было вызвать мелодичные звуки, то существующие различия между экземплярами, входившими в один комплекс, может вполне объясняться стремлением их обладателей получить разные акустические эффекты. Не случайными представляются и отличия в орнаментации напершій. Мотивы звериного стиля связаны с пережитками тотемизма. В скифском обществе, находившемся на достаточно высокой ступени развития, концепция предка — животного продолжала жить. Автор полагает, что есть основания считать религию скифов (по крайней мере VI—V вв. до н. э.) достаточно примитивной, а роль шаманов в исполнении религиозных обрядов решающей. Поскольку напершки на юге СССР найдены преимущественно в курганах, содержавших богатые погребения, К. Бакап приходит к выводу, что напершки предназначались в основном для шаманов. Частые находки вместе с напершками предметов конского убора, символизирующих конские жертвоприношения, могут объясняться лишь ритуальным назначением последних. Отмечая изменение напершій с течением времени на юге СССР, автор объясняет это античным влиянием, в том числе и религиозным, в результате чего в IV—III вв. до н. э. напершки перестали быть «орудием» шамана, а стали лишь своеобразными символами.

Напершки, найденные в Карпатском районе, по назначению, видимо, не отличались от южнорусских, однако решительно утверждать это автор не берется, так как пока здесь нет хорошо зафиксированных комплексов с такими предметами. Появление напершій в Карпатском районе он уверенно связывает с проникновением кочевых скифов в VI в. до н. э. В книге приводится большой сравнительный этнографический материал, особенно в очерке, посвященном скифскому шаманизму. Широкое привлечение данных этнографии, безусловно, полезно и важно для интерпретации археологических и письменных источников. Замечу, однако, что вывод о шаманизме в скифском обществе VI—V вв. до н. э. как о религиозной концепции основан исключительно на этнографических примерах, ибо ни античные письменные источники, ни данные археологии не дают сколько-нибудь серьезных оснований для этого. Также лишь на этнографических примерах базируется заключение об использовании напершій в качестве музыкальных инструментов шаманов.

Таким образом, вопрос о назначении напершій и после выхода в свет книги К. Бакап нельзя считать решенным. К существующим точкам зрения прибавилась еще одна, но она отнюдь не снимает других мнений. В настоящее время наиболее убедительным

представляется вывод, к которому пришла В. А. Ильинская: «Навершия не составляли часть какого-то одного строго определенного предмета. Применение их было обусловлено их культовым назначением и могло быть самым разным»². Сравнительный анализ местоположений наверший в погребальных комплексах Северного Причерноморья и Прикубанья достаточно определенно свидетельствует об этом.

Хорошо обосновано заключение в работе К. Бакаи о существовании в Карпатском районе в VI—V вв. до н.э. одного из центров производства наверший. Однако следующее за ним замечание о пребывании здесь кочевых скифов вызывает возражение. Совокупность всех археологических материалов из Карпато-Дунайского района с большей определенностью свидетельствует о наличии экономических, культурных и этнических связей между местным населением и Северным Причерноморьем. При этом на первый план выступают связи с земледельческим населением лесостепи, чем с кочевниками степных областей Северного Причерноморья.

Книга К. Бакаи представляет собой оригинальное исследование, которое, безусловно, заслуживает внимания археологов, историков и этнографов, интересующихся различными аспектами скифской проблемы.]

А. И. Мелюкова

² Ильинская, ук. соч., стр. 60.

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ РАБОТ 1967—1969 ГОДОВ О ЕВРИПИДЕ

Во втором номере «Вестника древней истории» за 1969 г. нами был опубликован обзор некоторых работ, посвященных творчеству Еврипида, вышедших в 1965—1966 гг. С тех пор было издано несколько десятков новых книг и статей о трагедиях и фрагментах Еврипида, посвященных критике текста, вопросам сценической техники и художественной формы, но, в основном, исследователи продолжает волновать моральная, религиозно-философская проблематика творчества поэта-мыслителя. Одни из них обращаются к отдельным трагедиям (и даже к сценам из трагедий), другие, как, например, Конечер в своей книге «Драма Еврипида»¹ — ко всему еврипидовскому наследию в целом. Книга эта, на наш взгляд, интересна прежде всего тем, что представляет своего рода реакцию на традиционный подход к анализу трагедий Еврипида, и новизна метода, которому следует автор, позволяет ему лучше осветить некоторые стороны драматургии Еврипида. Автор отмечает, что до сих пор творчество Еврипида чаще рассматривали с точки зрения политической и культурной истории Афин, очевидно, потому, что Еврипид больше, нежели другие трагические поэты, касался философско-политических проблем своего времени. При таком подходе обычно творчество Еврипида делилось на периоды и давался традиционный, хронологически последовательный разбор трагедии. Однако такой метод, по мысли автора книги, допускает произвольные выводы. Более строгим Конечер считает стилистический, метрический и драматический (структурный) анализ, также служащий критерием для периодизации трагедий Еврипида, но в первую очередь призванный выявить, каким образом в каждом отдельном случае идея трагедии у Еврипида соотносилась с общей структурой драмы. Главное, на чем акцентирует Конечер внимание, — это соотношение между структурой и темой драмы.

В отличие от Эсхила и Софокла, Еврипид воспринимает миф не только в качестве основы для своих произведений, но еще и как традиционный материал, который он всякий раз подвергает неодинаковой обработке. Иными словами, необходимость и свобода у Еврипида проявляется не через миф, но через непостоянный мир человеческого

¹ D. J. Conacher, *Euripidean Drama. Myth, theme and Structure*, Toronto, Univ. of Toronto press, 1967, 354 с.